

5

- 2 OKT. 1946

ВЕЩЕРН ЛЕНИНГРАД

ВЕЛИКИЙ АКТЕР

Памяти Василия Ивановича Качалова

19 ноября 1895 года в зале бывшего Благородного собрания любительский кружок студентов Петербургского университета показывал постановку «Леса» А. Н. Островского. Роль Аксюты в этом спектакле играла Е. М. Грановская, комика Счастливец — П. П. Гайдебуров, а трагика Несчастливцева — двадцатилетний В. И. Качалов. Особенно большой успех имел Качалов — Несчастливцев.

Рецензии о спектакле единодушно отмечали: «Роль Несчастливцева была великолепно исполнена молодым талантом. Грим, модуляция го-

лоса, прекрасная читка, позы — все было обдуманно и производило сильное впечатление. У него прекрасная, видная фигура, сильный и приятный голос и, наконец, что важнее всего, в его игре замечается неподдельное чувство...».

Впоследствии Качалов с теплотой вспоминал об «актерском крещении», полученном в Петербурге, о «прекрасной сценической школе» В. Н. Давыдова и, главное, о замечательных актерах, на игру которых он в течение трех лет смотрел с галерки Александринского театра, ставшего для него «вторым Университетом».

Качалов был молодым, но уже занявшим известное положение актером Казанского театра, когда получил приглашение вступить в состав молодого Московского Художественного Общедоступного театра. Он приехал в Москву и здесь на первом же дебютном спектакле потерпел крушение. Провинциальные ремесленные навыки резко противоречили духу правды, которым были пронизаны устремления нового театра.

«Я почувствовал себя не художником, а Актером Актеровичем» — с горечью признавался Качалов. Его звали обратно в провинцию, где ему был обеспечен легкий успех, но Качалов проявил подлинное мужество и настоящую честность художника, со всей ответственностью восприняв творческие законы, по которым строилось дело Художественного театра.

Исполнение роли Берендея в пьесе-сказке А. Н. Островского «Снегурочка» принесло ему вскоре всеобщее признание.

«Снегурочкой» очарован, — писал А. М. Горький после премьеры в письме к А. П. Чехову. — Господи, как все это было славно! Как сон, как сказка! Великолепен царь Берендей — Качалов, молодой парень, обладающий редкостным голосом по красоте и глубине».

С этого спектакля и начинается благородная слава Качалова, художника большого, умного и светлого таланта, великого актера.

На сцене МХАТа Качалов сыграл свыше пятидесяти ролей, и почти каждая из них, взятая в от-

дельности, могла бы обессмертить его имя как актера. Эти роли удивительны в своей разнохарактерности, но на любом качаловском спектакле зритель неизменно видел, слышал, чувствовал самого Качалова — его умный, пристальный взгляд, его вечно молодой, пленяющий могучим и нежным потоком голос, его живое, душевное волнение.

В свое время было немало споров о том, какое актерское «амплуа» у Качалова. Актер неслышаемого лирического обаяния, — он создал ряд замечательных образов в пьесах А. П. Чехова, И. С. Тургенева. Актер трагический — он был лучшим русским Гамлетом, величавым Юлием Цезарем. Актер героический, — он каждый раз по-своему, ни в чем не повторяясь, передавал своеобразие романтики

таких различных образов, как Чацкий в «Горе от ума» и как вождь сибирских партизан Вершинин в «Бронепоезде». Как остро характерный актер Качалов создал шедевры в ролях Барона («На дне») и Гаева («Вишневый сад»). Комздатное дарование Качалова сверкало в исполнении таких ролей, как тургеневский Горский или Глумов в пьесе Островского. А с какой сокрушительной силой и реалистической силой разоблачал Качалов жестокое лицемерие «паяца на троне» Николая Первого или прекрасное предательство либерала-буржуа Захара Бардина...

Актер исключительной внутренней глубины, Качалов обладал искусством глубочайшего проникнове-

ния в самую сердцевину авторского замысла, в существо его идеи.

Горький, полюбив Качалова за сказочного Берендея и трогательно-го Тузенбаха, был поражен, узнав, что артисту поручена роль жалкого, опустившегося Барона. Тем искреннее восхищался великий писатель на генеральной репетиции пьесы «На дне»:

— Ничего подобного я не писал... Это — гораздо больше, чем я написал. Я об этом и не мечтал. Я думал — это «никакая роль»...

Пройдет четверть века, и советский драматург Вс. Иванов, вместе с которым МХАТ создавал свой этапный спектакль «Бронепоезд», будет так же изумляться преобразению Качалова в образ вожака сибирских крестьян. Это был могучий в своей революционной народной правде, монументально-героический и в то же время полнокровно-реалистический образ, захватывавший и увлекавший романтикой суровой и мужественной борьбы партизан.

Воплощая чеховские образы, Качалов сумел передать мечты и чаяния, веру в победу передовой демократической интеллигенции России. С лирической воодушевленностью воплощал Качалов благородство мечты Вершинина, Трофимова, Тузенбаха, горькое негодование Чацкого, беспощадно разоблачал Захара Бардина — и над всем этим высился скромный, благородный, прекрасный своей красотой облик самого художника, человека и гражданина.

И, пожалуй, как ни замечательны были актерские творения Качалова, перечисленные выше, быть

может лучшей ролью Качалова на сцене, вершиной его артистического творчества была все же та, в которой он выходил без грима, играя роль, необычную по драматургической природе, роль чтеца «от автора» в инсценировке романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Это было больше, чем простое чтение «авторского комментария». Неотступно следуя за героями романа, помогая зрителю осознать самые сокровенные движения их мыслей и чувств, Качалов давал почувствовать всю глубину своей тревоги за человеческую судьбу, свой гневный протест против строя, основанного на унижении человека. Качалов говорил и действовал не только и не столько от лица Толстого, сколько от **своего** лица, как передового человека нового социалистического общества.

Воодушевленность мыслью о передовом искусстве, идейная близость к передовым революционно-демократическим слоям общества, страстная любовь к Человеку и ненависть ко всему, что его угнетает, проходит лейт-мотивом через все творчество Качалова, объединяет в одну мощную, жизнеутверждающую симфонию разнохарактерные мотивы внешне несхожих сценических образов.

13 лет назад, когда страна сердечно отмечала шестидесятилетие любимого актера, Качалов говорил в своем выступлении по радио:

«Мне 60 лет, но когда я выхожу на сцену и чувствую, как бьется елиное сердце советского зрителя, чуткого и внимательного ко всему, что происходит на сцене, мне хочет-

ся сказать себе, — ничего, старик, мы еще поживем, мы еще поработаем!».

Слово «старик» меньше всего можно было применить к Качалову. Это был художник, у которого, говоря словами Маяковского, не было в душе «ни одного седого волоса». Когда в 1938 году на юбилейном спектакле МХАТа «Горе от ума» на сцену в неукротимом молодом порыве выбежал Чацкий — Качалов — кто мог поверить, что за этим юношески страстным, чистым образом скрывается 63 года жизни актера, возвратившегося к любимой роли более чем через тридцать лет после того, как он впервые ее исполнял. А какой чудесной творческой молодостью был озарен его недавний творческий вечер в Московском доме актера, когда, вопреки всем ожиданиям, Качалов, вместо того чтобы показывать отрывки из старых ролей, исполнял — и с каким увлечением — новую, большую программу из стихов любимых поэтов.

Мысль благодарных, взволнованных слушателей невольно обращалась к самому Василию Ивановичу, когда он со спокойной, торжественной силой читал строфы пушкинского «Памятника» («Нет, весь я не умру...») и задорно закончил программу любимым «Обожаю всяческую жизнь!».

Вот таким, — молодым, прекрасным, вдохновенно славящим жизнь и человека, и останется навсегда в нашей памяти великий советский актер.

Сим. ДРЕЙДЕН